

Ходить по дикой горной тропе можно было заметно быстрее, но при этом приходилось всё время быть настороже, чтобы не оступиться и не упасть. Лин Син оглядывался по сторонам: весна уже подбиралась, трава начинала зеленеть, на ветвях деревьев проклёвывались почки. Через какое-то время на прилавке с баоцзы можно будет добавить баоцзы с дикими травами и сменить вкус.

Шэнь Лай вместе с Сяочунь и Сяося играли во дворе с камешками; услышав движение, все трое подняли головы и побежали к Лин Сину. Сяочунь и Сяося всё ещё немного смущались, а вот Шэнь Лай без церемоний обхватил старшую невестку за талию, задрал голову и заискивающе сказал:

- Старшая невестка, я сегодня утром был очень послушный, весь двор подмёл дочиста. Можно мне съесть кусочек пирожного из зеленых бобов?

Лин Син сразу понял, что мальчишка просто разохотился до сладкого, и рассмеялся:

- Ты меня так обнимаешь, как же я идти буду? Так ты хочешь пирожное или нет?

Шэнь Лай тут же разжал руки; Сяочунь и Сяося, которых он слегка подтолкнул, тоже подошли ближе. Они теребили подол одежды и говорили так тихо, что слова едва можно было слышать:

- Тетя... мы тоже послушные... хотим пирожное...

За эти дни общения дети наконец осмелели и стали сами заговаривать с Лин Сином - не только говорить, но и прямо высказывать свои желания. Лин Син поднял руку и погладил обоих по головам:

- Пойдёмте на кухню.

Он раздал каждому по кусочку пирожного; все трое словно получили несметное сокровище - глаза у них сразу загорелись. Радостно выкрикивая, что старшая невестка самый лучший, они гурьбой побежали к кухне и уселись снаружи на большой камень: трое в ряд, болтая ногами и не спеша поедая угощение.

Закрыв шкаф, Лин Син увидел, как из комнаты вышел Шэнь Хуэй с деревянным копьём в руках. Его запястья и щиколотки были плотно перетянуты полосами ткани, так что ни единой щели у рукавов и штанин не оставалось. Было ясно: Шэнь Хуэй собирается идти в горы проверить ловушки и заодно нарезать банановых листьев.

Лин Син окликнул Шэнь Хуэя, попросив его подождать. Он держал в руках два больших куска пирожного из зелёной фасоли, завернутые в промасленную бумагу, потом вынул из бамбуковой корзины четыре крупных маньтоу и два баоцзы, оставленные сегодня, подошёл к Шэнь Хуэю и

без разговоров всунул всё ему в руки.

- Это тебе, подкрепиться. Не экономь, всё съешь, в горах будь осторожен. И ещё - средство от змей взял?

Шэнь Хуэй не решался сжимать ладони, боясь раздавить пирожные из зелёной фасоли. Он и подумать не мог, что баоцзы и маньтоу, специально оставленные сегодня, предназначались не для Сяо У и не для Сяочунь с Сяося.

Это... для него?

Шэнь Хуэй хотел сказать, что голодным не останется, что каждый раз, уходя в горы, он находил способ набить желудок. Иначе, полагаясь лишь на скудный домашний паёк, он просто не смог бы вырасти таким крепким. Но в итоге он ничего не сказал, аккуратно убрал всё за пазуху - грудь сразу стала выпуклой, набитой. Уже выходя со двора, Шэнь Хуэй вдруг остановился и ответил на слова Лин Сина:

- Взял. Я буду осторожен, старшая невестка, не переживай.

...

Землю на поле перекапывали уже несколько дней, и к этому времени работа была почти закончена. После обеда Сюй Юфан не пошла в поле, а осталась дома заниматься вышивкой. Лин Син молот зелёные бобы и слушал, как Сюй Юфан жалуется, что руки у неё становятся всё грубее, и вышивка уже не даётся так ловко, как прежде. Шитьё требовало огромного напряжения и сильно вредило зрению. Как и говорила Сюй Юфан, из-за постоянной работы её руки утратили прежнюю гладкость, во время вышивания чувствовалась скованность, и сами узоры выходили уже не такими аккуратными, как раньше.

Лин Син в вышивке не разбирался; сидя на табурете и медленно вращая маленький каменный жёрнов, он смотрел на пёстрые пучки цветных шёлковых нитей и вдруг спросил:

— Мама, а ты знаешь, что такое жуньхуа?

В памяти прежнего хозяина тела такого не было, возможно, он просто с этим никогда не сталкивался. Сюй Юфан, выслушав, тоже покачала головой:

— Не слыхала. Это что за цветок? Син-гер хочет? Не знаю, растёт ли у нас такой.

Лин Син улыбнулся:

— Это не цветок, который растёт. Его делают из вышивальных нитей. Украшают волосы, и

выглядит совсем как настоящий, очень красиво.

— И такие цветы бывают? — Сюй Юфан сразу оживилась. — А ты умеешь делать?

Она умела вышивать лучше всего: какие бы цветы ни видела, и форму, и цвет передавала так, что выходили почти как живые. Но ей и в голову не приходило, что из одних лишь нитей можно сделать целый цветок.

Сам Лин Син жуньхуа делать не умел, он лишь видел ролики, да и то только с самыми простыми вариантами. Проще всего были хризантемы и цветы персика: там достаточно было согнуть нити и сложить их слоями по форме цветка. Более сложные варианты он не видел, даже если бы и видел, без собственного опыта всё равно не сумел бы запомнить как следует.

(ПП: жуньхуа - бархатные/пуховые цветы. Это традиционное китайское искусство изготовления реалистичных цветов из шёлка, проволоки и других материалов, часто используемых для женских украшений)

Немного поразмыслив над самым общим способом изготовления жуньхуа, он кратко описал его Сюй Юфан. Чтобы ей было понятнее, он подобрал с земли тонкую веточку и, рассказывая, прямо на земле схематично рисовал, поясняя каждое слово.

- Сначала нужно выбрать подходящие цвета, разъединить вышивальные нити, затем закрепить их и маленькой щёткой расчёсывать, делая пушистыми. Когда нити будут подготовлены, их фиксируют тонкой медной проволокой. Расстояние между витками проволоки выбирают в зависимости от размера лепестков, после этого ножницами разрезают нити между витками, прижимают проволоку деревянным брусом и скручивают. Затем снова берут ножницы и подрезают ворс до тех пор, пока не получится желаемая форма цветка.

Сюй Юфан, слушая объяснение Лин Сина и глядя на схему, нарисованную прямо на земле, действительно всё поняла.

- В лавках, где продают картины, вроде бы бывает медная проволока - её покупают для картин в технике перегородчатой эмали. Только продают сразу мотками: много, но именно потому и дорого - целый моток стоит один лян серебра.

Всё-таки в прошлом семья жила зажиточно, и потому кругозор Сюй Юфан был заметно шире, чем у обычных сельчан.

Видя её интерес, Лин Син подумал, что завтра, оказавшись в городе, стоит заглянуть в лавку с картинами. Купить целую связку сейчас было точно не по карману, но, возможно, удастся договориться и выменять небольшой кусок у кого-нибудь из покупателей. Это уже зависело от удачи, и Лин Син не мог быть в этом уверен, потому ничего Сюй Юфан заранее не стал говорить.

Перемолотую зелёную бобовую массу он промыл и оставил отстаиваться, собрав оставшийся жмых в глиняную миску, после чего пошёл стирать мешковину. Тесто на завтра он тоже заранее замесил и поставил бродить, а затем отправился в восточную комнату пересчитать деньги и свести счёт.

Сегодня лянфэн из зелёных бобов принес шестьдесят вэнь выручки при себестоимости в тридцать вэнь. Баоцзы и маньтоу продались на шестьсот сорок две вэнь, себестоимость составила четыреста пятнадцать. Из них за тофу изначально нужно было отдать тридцать вэнь, но Се Цинъя взял с Лин Сина только пятнадцать. Чистая прибыль вышла двести двадцать семь вэнь; вычтя плату за склад и место - двадцать вэня - и прибавив заработок с лянфэна, за день получилось чистыми двести тридцать семь вэнь. Завтра лянфэна будет больше, значит, удастся заработать ещё. Если сложить с тем, что он заработал в предыдущие дни, то за четыре дня реальными деньгами на руках набралось пятьсот девяносто шесть вэнь. Лин Син нанизал монеты на шнур и, как прежде, убрал их в деревянный шкаф, собираясь в конце месяца уже вместе распределить всё между семьёй и Шэнь Хуэем.

...

Ловушки, которые ставил Шэнь Хуэй, находились глубоко в горах. Он годами ходил туда на охоту, знал множество тайных троп и проходов, так что путь для него был куда легче, чем для других. Погода только начала теплеть, и дичи было заметно меньше, чем летом или осенью. В этот раз удача ему не улыбнулась: из восьми ловушек ни в одной не оказалось добычи. На одной были следы повреждения, судя по всему, зверь попался, но его успели вызволить сородичи. Подправив ловушки, Шэнь Хуэй направился ещё глубже в горы.

Неподалёку там находился глубокий водоём - горячий источник. Он был невелик по площади, но очень глубок: стоило взглянуть в воду, и возникало ощущение бездонной тьмы, пробуждавшее скрытый страх. Войдя в зону с более высокой температурой, Шэнь Хуэй вынул средство от змей и осторожно посыпал им себя. Остальное он аккуратно завернул и снова убрал за пазуху.

Вокруг росло большое скопление банановых листьев; здесь было теплее, чем снаружи. Шэнь Хуэй какое-то время срезал листья ножом, и вскоре на лбу у него выступил пот. Расход сил был большим, и он почувствовал голод.

Он уже по привычке собирался искать змеиное логово, чтобы раздобыть пищу, но тут вспомнил, что за пазухой есть еда и больше не нужно рисковать, чтобы утолить голод. Шэнь Хуэй сел на землю, скрестив ноги, развернул промасленную бумагу. Баоцзы и маньтоу уже остыли, но всё ещё оставались мягкими и пышными. Он открыл рот, собираясь откусить, но на полпути вдруг уменьшил хватку и откусил совсем немного.

Медленно жевать ему было непривычно. Раньше он ел либо на бегу, торопясь догнать добычу, либо в опасной обстановке, когда нужно было как можно быстрее проглотить еду. По словам Лин Сина, слишком быстрая еда и горячая пища вредят организму.

Шэнь Хуэй жевал маньтоу и, уже собираясь проглотить, добавлял ещё пару движений челюстью. Съев четыре маньтоу и два баоцзы, он всё равно не почувствовал сытости, просто перестало быть мучительно голодно.

Пирожные из зеленых бобов по дороге неизбежно крошились, но сладкий аромат сохранялся, и на вкусе это никак не сказалось. Шэнь Хуэй ел пирожное и думал, что никогда не предполагал: угощение, которое, казалось, предназначено только детям, достанется и ему, да ещё целых два куска. Это было очень вкусно, даже вкуснее, чем те пирожные, что остались в его памяти.

Закончив есть, Шэнь Хуэй срезал ещё немного банановых листьев, прикинул, что их хватит на три дня, взвалил охапку на плечо и отправился обратно с горы.

Он шёл очень быстро, и на этот раз дорога домой заняла куда меньше времени, чем прежде. Шэнь Хуэй вернулся уже под вечер; из трубы кухонной пристройки поднимался дым. Он нёс на плече широкие банановые листья и, остановившись у входа, увидел, как Лин Син внутри варит зелёную бобовую массу.

Человека у двери Лин Син, конечно, заметил. Не прекращая помешивать, он повернул голову и, увидев Шэнь Хуэя, с облегчением улыбнулся:

— Второй брат вернулся? Не поранился?

Шэнь Хуэй опустил банановые листья, лицо у него было спокойным:

— Вернулся, не поранился.

Сам не понимая почему, он вдруг добавил:

— Спасибо старшей невестке за средство от змей, очень помогло.

Услышав, что средство оказалось полезным, Лин Син улыбнулся:

— Вот и хорошо. Если закончится, я ещё у Се-гера обменяю. Второй брат не переживай, не экономь средство.

Шэнь Хуэй кивнул, настроение у него заметно поднялось, и он занялся банановыми листьями. Листья для обёртывания еды нужно было тщательно промыть; силы у Шэнь Хуэя было много, и поначалу он плохо контролировал нажим, так что несколько листов сразу порвал. В конце концов Сюй Юфан не выдержала, позвала Шэнь Лая, Сяочунь и Сяося помогать с мытьём листьев, а сама пошла на кухню разжигать очаг.

Варка лянфэна не занимала много времени; Лин Син разлил её в три больших глиняных таза

и оставил остывать и застывать. Сюй Юфан принялась готовить на вечер бобовый рис, а Лин Син вышел во двор помогать мыть банановые листья.

— Старшая невестка, садись со мной! — Шэнь Лай замахал маленькой рукой, с воодушевлением зазывая Лин Сина присесть рядом.

Ему просто хотелось быть поближе к старшей невестке, тогда он был по-настоящему счастлив.

Лин Син, следуя за указанием Шэнь Лая, присел рядом и стал вместе с ними мыть банановые листья.

Шэнь Хуэй, вернувшись с водой, увидел, что на его прежнем месте уже сидит Лин Син. Поставив деревянное ведро, он зачерпнул воду тыквенным ковшом, полил листья, а затем как ни в чём не бывало присел рядом с Лин Сином.

— Старшая невестка в прошлый раз говорил, что хочет научиться читать по губам. Всё ещё хочешь учиться?

Эти дни выдались настолько хлопотными, что Лин Син совсем об этом забыл; после напоминания он наконец вспомнил и спросил:

— Хочу... А как этому учатся?

— Вначале нужно очень много практиковаться: постоянно наблюдать, удерживать внимание. Есть моменты, которые выглядят размыто и не совсем понятно, их нужно запоминать и потом, опираясь на последующее движение губ, восстанавливать смысл, — спокойно объяснил Шэнь Хуэй.

Выслушав, Лин Син пришёл к единственному выводу: это ужасно сложно. Память у Шэнь Хуэя была отличная - всё, что он когда-то читал, он помнил. То, что он сумел освоить столь трудный навык, неудивительно. А вот у самого Лин Сина память, мягко говоря, была не лучшей, с концентрацией внимания тоже не всё гладко... разве что терпения ему было не занимать.

Шэнь Хуэй и сам понимал, что чтение по губам - дело непростое, и вовсе не ожидал, что Лин Син сумеет овладеть им в полной мере. Даже если тот научится понимать хотя бы немного, этого уже будет достаточно.

Увидев, что сложность чтения по губам явно напугала Лин Сина, Шэнь Хуэй не стал говорить, что можно вовсе не учиться, а предложил другое:

— Можно освоить только самое простое. Дальше требуется слишком много времени, и у старшей невестки его может не быть.

Лин Син, услышав это, кивнул - такой вариант его вполне устраивал. Он уже собирался спросить, когда можно начать учиться, как Шэнь Хуэй продолжил:

— Если старшая невестка захочет учиться письму, я тоже немного разбираюсь в грамоте и могу тебя научить.

Лин Син удивился. Учиться писать? Когда это он показывал, что хочет осваивать кисть?

— Это не нужно, — сразу ответил он.

Писать он умел, просто каллиграфия у него была откровенно плохая. Он боялся, что если возьмётся за кисть, то может выдать себя, ведь прежний хозяин тела писать умел, да ещё и довольно красиво. К тому же для него, человека, который не владел кистью, любой почерк казался хорошим.

Лин Син решил, что при случае всё же стоит раздобыть кисть, чернила и бумагу и попробовать, вдруг сохранилась какая-то мышечная память. А если нет, тогда уже придётся подумать, как учиться заново.

Шэнь Хуэй, услышав отказ, лишь тихо ответил «м», а затем серьёзно добавил:

— У Ли Хуэйюаня почерк с формой, но без внутреннего стержня. Думаю, он и сам это понимает, поэтому так много тренируется. Впредь старшей невестке лучше не хвалить его почерк - он может решить, что над ним смеются.

Лин Син вдруг всё понял:

— Вот оно что... Я-то думал, почему он так смущается и отнекивается. Второй брат, ты очень наблюдателен. Я больше не буду его хвалить, чтобы не вышло неловко.

Шэнь Хуэй слегка кивнул и с тихой усмешкой сказал:

— Так будет правильно.